

ЗАМОК
САТОМИ

ТЕРРИТОРИЯ
КЛАНА
СОЛНЦА

ТЕРРИТОРИЯ
КЛАНА
НЕБА

ГОРЫ
ДРАКОНИЙ
ХРЕБЕТ

ЗОЛОТАЯ РЕКА

СТОЛИЦА
ИМПЕРИИ

ЮТАРУ КАВА

ХРАМ ТИХИХ
ВЕТРОВ

ТЕРРИТОРИЯ
КЛАНА
ЗЕМЛИ

ТЕРРИТОРИЯ
КЛАНА
ОГНЯ

ТЕРРИТОРИЯ
КЛАНА
ТЕНИ

JULIE KAGAWA

SHADOW
of the
FOX

ДЖУЛИ КАГАВА

ЛИСЬЯ
ТЕНЬ

*Перевела с английского
Александра Самарина*

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
К12

SHADOW OF THE FOX
by Julie Kagawa

Напечатано с согласия автора при содействии
литературного агентства Prava i Prevodi

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования возможны
только с разрешения правообладателя.

Кагава, Джули.

К12 Лисья тень : [роман] / Джули Кагава ; пер. с англ. А. Самариной. — Москва :
Popcorn Books, 2021. — 528 с.

ISBN 978-5-6045426-1-3

Раз в тысячу лет Великий Дракон является смертному, чтобы исполнить его
самое заветное желание. Раз в тысячу лет мир ждет перемены — к добру или
к худу, решать тому, у кого в руках Свиток тысячи молитв.

Воспитанная монахами в далеком храме Тихих Ветров, Юмeko всю жизнь
училась тому, как скрывать свою сущность ёкая. Наполовину кицунэ, напо-
ловину человек, свой талант по сотворению иллюзий она использует только
для мелких проделок. Но когда на храм нападают полчища демонов, Юмeko
вынуждена отправиться в опасное путешествие, чтобы защитить фрагмент
древнего свитка.

Только она не единственная, кому нужна эта драгоценная реликвия. Каге
Тацуми, загадочный самурай Клана Тени, тоже охотится за свитком. И он пой-
дет на все, лишь бы его найти.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

© Александра Самарина, перевод на русский
язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

Popcorn Books, 2021

Copyright © 2018 by Julie Kagawa

Cover art: Jenue (mask); Shutterstock (background)

Cover design: Mary Luna

ISBN 978-5-6045426-1-3

Посвящается Мисе. Спасибо за все, мой сенсей.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

ИСТОКИ И ПРЕДЕЛЫ

Дождь лил и в тот день, когда Суюки впервые переступила порог Дворца Солнца, и в ту ночь, когда ее не стало.

— Ты, что ли, новая служанка? — спросила женщина с узким, худым лицом, смерив девушку неласковым взглядом. Суюки дрожала с головы до пят, дождевая вода ледяными струйками бежала по спине, капала с волос прямо на роскошный деревянный паркет. Старшая горничная фыркнула.

— А ты отнюдь не красавица, как я погляжу. Впрочем, это неважно: прошлая служанка госпожи Сатоми была прекрасна, как бабочка, но умом не блистала, — поведала она и склонилась к девушке, прищурившись. — Скажи-ка мне вот что. Поговаривают, что в лавке твоего отца именно ты заправляла всеми делами. Ты и впрямь девчонка неглупая? Или один ветер в голове, как у той, что была до тебя?

Суюки прикусила губу и опустила глаза. Она правда почти весь год помогала отцу. Будучи единственным ребенком знаменитого мастера флейт, она часто обслуживала покупателей, пока он изготавливал новый инструмент — отец обыкновенно ничего не ел и ни с кем не разговаривал, пока не завершал начатое. Суюки умела читать и считать не хуже любого мальчишки, но по законам того времени не могла унаследовать отцовское дело и обучиться его мастерству. Мура Акихито до сих пор пребывал в добром здравии, но с годами его проворные пальцы огрубели от кропотливой работы. Отец решил не выдавать Суюки замуж и употребил свое весьма скромное влияние на то, чтобы устроить дочь прислугой в императорский дворец, рассчитывая, что там о ней позаботятся, когда его не станет. Суюки очень тосковала по дому и часто гадала, как там отец без нее, но понимала, что такова его воля.

— Не знаю, госпожа, — прошептала она.

— Пф-ф. Ну что ж, скоро сами увидим. Но на твоём месте я бы придумала для госпожи Сатоми ответ получше. Иначе вылетишь отсюда ещё быстрее, чем твоя предшественница. А теперь ступай на кухню за чаем для госпожи, — приказала она. — Кухарка объяснит, куда его отнести.

Несколько минут спустя Суюки уже шла по веранде с подносом, уставленным чайной посудой, и изо всех сил пыталась вспомнить дорогу. Императорский Дворец Солнца походил на маленький городок, посреди которого высилось главное здание, где жил император с семьёй. Между сторожевой башней и внутренней стеной размещался лабиринт укреплений, предназначенный для защиты

императора и для того, чтобы сбить с толку неприятеля. Придворные, знать и самураи расхаживали по дорожкам в ярких шелковых одеждах — белых, с изображением нежных лепестков сакуры, и ярко-красных, с золотыми хризантемами. Но никто из них не удостоивал Суюки взглядом. Только самым влиятельным семьям позволялось селиться подле императора: чем ближе ты жил к главному дворцу, тем выше было твое положение.

Суюки блуждала в поисках нужной двери, а внутри нарастала тревога. Дома вокруг были совершенно одинаковые: с серыми кровлями, стенами из бамбука и бумаги — и соединялись деревянными верандами, построенными для того, чтобы уберечь наряды придворных от грязи и росы. Над улицами горделиво возвышались диковинные башенки, укрытые синей черепицей; в аккуратно подстриженных кронах заливались десятки птиц, но тугой узел в груди не давал Суюки насладиться этим великолепием.

Внезапно прозрачный ясный звук прорезал воздух, и она застыла на месте. Нет, то была не птичья трель, хотя дрозд на соседнем дереве с готовностью откликнулся. Суюки ментально узнала его, припомнила каждую нотку. Сколько раз она слышала эту мелодию за дверью отцовской мастерской? То была нежная, пленительная песнь флейты.

Зачарованная, Суюки пошла на звук, позабыв о поручении и о том, что хозяйка наверняка рассердится, если чай не принесут вовремя. Жалобная, печальная мелодия, песнь прощания и осеннего увядания неумолимо влекла ее за собой. Неведомый музыкант великолепно владел инструментом; в его игре было столько чувства, что Суюки казалось, будто она слышит саму его душу.

Музыка до того заворожила Суюки, что она совсем перестала смотреть, куда идет. Завернув за угол, она едва не налетела на юного аристократа в небесно-голубых одеждах, прижимавшего к губам флейту. Испуганно вскрикнув, девушка попыталась увернуться от столкновения. Чайник на подносе возмущенно звякнул, чашки задрожали, а мелодия оборвалась, когда самурай, к огромному изумлению Суюки, повернулся и подставил руку под поднос, чтобы тот не опрокинулся на веранду.

— Осторожнее, — сказал незнакомец голосом тонким и чистым. — Лучше ничего не ронять, а то такой шум поднимется. Вы как, в порядке?

Суюки уставилась на него. Перед ней стоял, пожалуй, самый симпатичный парень из всех, что она видела в жизни. «Нет, не симпатичный даже, — подумалось ей. — *Красивый*». Под небесно-голубыми одеждами угадывались широкие плечи, но черты у юноши были изящные и тонкие: он походил на иву, распутившуюся по весне. Белые, как снег на горных вершинах, волосы не были убраны в самурайский пучок, но свободно ниспадали на спину. И что самое поразительное — он ей улыбался, причем не холодной, самодовольной ухмылкой большинства аристократов, а искренне, радостно и тепло щурясь.

— Прошу прощения! — воскликнул он, выпуская поднос и отступая назад. Вид у него был совершенно спокойный, ни капли не раздраженный. — Виноват, встал посреди дороги и не подумал о том, что кто-то может выскочить из-за угла! Надеюсь, я не сильно вас напугал, госпожа...

Суюки дважды открывала рот, но дар речи вернулся не сразу.

— Простите, господин, — произнесла она едва слышным шепотом. Аристократы не разговаривают так с прислугой, даже ей это было хорошо известно. — Меня зовут Суюки, и я всего лишь служанка. Не стоит волноваться из-за таких, как я.

Аристократ фыркнул.

— Еще как стоит, Суюки-сан, — сказал он. — Когда я играю, то часто забываю, где нахожусь. — Он поднял флейту, и сердце Суюки забилося чаще. — Что ж, давайте больше не будем думать о случившемся. Можете спокойно возвращаться к своей работе.

Он шагнул в сторону, пропуская Суюки, но та не шелохнулась — все не могла отвести глаз от инструмента в его изящной ладони. Флейта, прямая, словно стрела, с ярким золотистым наконечником, была сделана из темного полированного дерева. Суюки понимала, что заговаривать с представителем знати опасно — он может приказать высечь нахальную служанку, бросить в тюрьму или даже казнить, но слова вырвались против ее воли.

— Вы великолепно играете, мой господин, — прошептала она. — Простите. Знаю, я не вправе говорить такие вещи, но мой отец бы вами гордился.

Незнакомец склонил голову набок, по его прекрасному лицу пробежала тень изумления.

— Ваш отец? — спросил он, и тут его осенило: — Так вы дочь Муры Акихито?

— *Наи**.

Он улыбнулся и коротко ей поклонился.

* Да (яп.). — Здесь и далее прим. пер.

— Прекрасную мелодию можно сыграть лишь на прекрасном инструменте, — сказал он. — Когда увидите с отцом, передайте ему, что для меня большая честь быть хозяином такой дивной флейты.

У Суюки запершило в горле, к глазам подступили горячие слезы. Аристократ почтительно отвернулся и принялся с деланным интересом разглядывать цветущую вишню, чтобы дать Суюки время успокоиться.

— Вы случайно не заблудились? — спросил он вскоре, оторвавшись от созерцания куколки какого-то насекомого на тонкой ветке. Суюки не уловила в его голосе издевки, только безобидное веселье, с каким люди порой разговаривают с кошками на улицах. — Императорский дворец и впрямь потрясает с непривычки. Кому вы прислуживаете, Суюки-сан? Быть может, я смогу вас проводить.

— Г-госпоже Сатоми, мой господин, — заикаясь, ответила Суюки, до глубины души пораженная его добротой. Она знала, что нужно поклониться, но боялась разлить чай. — Прошу меня извинить, я прибыла во дворец только сегодня и еще не успела тут освоиться.

Аристократ нахмурился, и сердце замерло в груди у Суюки — она испугалась, что обидела его.

— Понятно, — едва слышно проговорил он. — Стало быть, у вас новая служанка, а, Сатоми-сан? Сколько же их нужно императорским наложницам?

Не успела Суюки задуматься, что он имел в виду, как незнакомец взял себя в руки и снова ей улыбнулся.

— Что ж, удача благоволит вам, Суюки-сан. Резиденция госпожи Сатоми совсем недалеко. — Он взмахнул широким рукавом, указывая тонким пальцем дорогу. — Обойдите

это здание с левой стороны, а потом идите прямо и до конца. Нужная вам дверь — последняя справа.

— Дайсукэ-сан! — Громкий женский голос пронесся по веранде, и аристократ отвернулся, не дав Суюки прошептать слова благодарности. Вскоре из-за угла показались три знатные дамы в элегантных золотисто-зеленых кимоно. Они насмешливо посмотрели на аристократа.

— Вот ты где, Дайсукэ-сан, — с обидой воскликнула одна из них. — Где тебя носит? Мы же опаздываем на поэтические чтения к Ханозэ-сан! А-а-а. Что тут происходит? — спросила она, заметив Суюки. — Дайсукэ-сан, только не говори, что все это время ты болтал со служанкой!

— Почему бы и нет? — с издевкой поинтересовался он. — Порой разговоры с прислугой куда интереснее бесед с аристократками.

Девушки захихикали, будто ничего смешнее в жизни не слышали. Суюки искренне не понимала, что тут веселого.

— Что за ерунда, Тайо Дайсукэ! — с упреком сказала одна из девушек, прикрывшись белым веером с цветками вишни. — Пойдем уже. Нам надо спешить. А ты, — она перевела взгляд на Суюки, — возвращайся к работе. Что уставилась? Кыш!

Суюки поспешно удалилась, стараясь не расплескать чай. Но сердце продолжало бешено колотиться, а восстановить дыхание никак не удавалось. *Тайо*. Родовое имя императорской семьи. Дайсукэ-сама — член Клана Солнца, одной из самых влиятельных семей в Ивагото, и в его жилах течет императорская кровь. Странное чувство в животе усилилось, мысли, словно стайка мотыльков, порхающих

у огня, кружились вокруг воспоминаний о его улыбке и мелодии отцовской флейты.

Нужную дверь Суюки отыскала в самом конце веранды, откуда открывался вид на великолепные дворцовые сады. Перегородка сёдзи была отодвинута, и Суюки почувствовала легкий аромат ладана, который курился во мраке комнаты. Она тихонько вошла и огляделась в поисках новой хозяйки, но комната была пуста. Жилище было богато обставлено, хотя обычно знать отличалась склонностью к простоте. Нарядные ширмы превратили комнату в маленький лабиринт, пол устилали мягкие татами. Повсюду лежали стопки листов для оригами всевозможных расцветок и фактур, а со всех плоских поверхностей на Суюки смотрели бумажные птицы — они будто захватили дом. Девушка смела стайку журавликов со стола, чтобы поставить поднос.

— Маи-тян*? — Из соседней комнаты послышался голос, мягкий и нежный, как осенняя паутинка; по полу прошелестел шелк. — Это ты? Где ты была? Я уже начала волноваться... Ах.

В дверях появилась дама, и на мгновение они с Суюки застыли, глядя друг на друга. Суюки распахнула рот от изумления.

Если Тайо Дайсукэ был самым красивым парнем, которого она только видела в жизни, то теперь перед ней стояла самая изящная и прекрасная женщина во всем дворце. На ней было красное кимоно, расшитое золотыми, серебряными и зелеными бабочками. Блестящие черные волосы были собраны в высокую прическу, украшенную двумя

* Традиционное японское обращение к женщинам и детям.

золотисто-красными деревянными палочками и гребешками из слоновой кости. Темные глаза, сияющие на безупречном, словно фарфоровом, лице с интересом оглядели Суюки.

— Здравствуй, — проговорила незнакомка, и Суюки поспешно закрыла рот. — Могу я поинтересоваться, кто ты такая?

— Я... я Суюки, — запинаясь, представилась девушка. — Ваша новая служанка.

— Ах вот оно что. — Губы женщины тронула легкая улыбка. Суюки ни капли не сомневалась, что улыбнись она чуть шире, и в полумраке сверкнут белоснежные зубы. — Проходи, малютка Суюки-тян. Только, пожалуйста, ничего не раздави.

Суюки послушно приблизилась к госпоже Сатоми, стараясь не наступить на ее бумажные создания.

И тут женщина дала ей хлесткую пощечину.

Вспышка боли на мгновение ослепила девушку. Она рухнула на пол, до того изумленная, что даже не вскрикнула. Из глаз брызнули слезы. Суюки прикрыла щеку ладонью и непонимающе посмотрела на госпожу Сатоми. Та возвышалась над ней, продолжая улыбаться.

— Знаешь, почему я тебя ударила, малютка Суюки-тян? — спросила она, на сей раз показав зубы.

«Так скалятся черепа», — подумалось Суюки.

— Н-н-нет, моя госпожа, — пробормотала она. Онемевшая щека начала гореть.

— Потому что я звала Майи-тян, а не тебя, — беспощадно веселым голосом сообщила госпожа Сатоми. — Даже если ты глупая деревенщина, Суюки-тян, это тебя несколько

не извиняет. Приходить нужно только когда позовут, ясно тебе?

— Да, моя госпожа.

— Улыбнись, Суюки-тян, — велела Сатоми. — Если улыбнешься, возможно, я забуду о твоём мерзком деревенском говоре и о том, что лицо у тебя похоже на коровью морду. Мне трудно будет сдерживать отвращение при виде тебя, но я постараюсь. Разве это не великодушно с моей стороны, а, Суюки-тян?

Не зная, что ответить, Суюки стиснула зубы и подумала о Дайсукэ-саме.

— Разве это не великодушно с моей стороны, Суюки-тян? — повторила Сатоми с нескрываемым раздражением.

Суюки с трудом сглотнула.

— *Най*, госпожа Сатоми.

Сатоми вздохнула.

— Ты помяла мои фигурки, — оскорбленно заявила она, и Суюки взглянула на бумажных зверюшек, которых случайно задела. Госпожа фыркнула и отвернулась. — Предупреждаю: я очень разозлюсь, если ты их не заменишь. В районе Ветров есть одна милая лавочка, где продается самая тонкая лавандовая бумага. Если поспешишь, успеешь купить ее до закрытия.

В дверной проем Суюки увидела, как над дворцом сгущаются грозовые облака. Загрохотал гром, а в темном небе замелькали серебристо-голубые молнии.

— Да, госпожа Сатоми.

За следующие несколько дней Суюки успела истоскаться по отцовской лавочке, по неспешному подметанию

полов, штотке одежды, приготовлению еды трижды в день, по успокаивающему аромату опилок и стружек, по посетителям, которые редко ее замечали, занятые лишь отцом и его творениями. Раньше Суюки казалось, что в работе служанки, приставленной к знатной госпоже, нет ничего сложного: только и знай, что помогай ей одеться да выполняй мелкие поручения и дела, недостойные внимания аристократки. Возможно, так оно и должно было быть — во всяком случае, другие служанки явно не страдали от тягот и лишений. Они откровенно избегали Суюки, будто общение со служанкой госпожи Сатоми могло навлечь на них ее гнев. И Суюки их не винила.

Госпожа Сатоми была сущим исчадием ада, прекрасным его исчадием в шелках, при макияже и одурманивающем парфюме. Что бы Суюки ни делала, хозяйка всегда была недовольна. Как бы она ни терла и полоскала белье, Сатоми всегда говорила, что постирано оно плохо. Чай, заваренный Суюки, оказывался либо слишком слабым, либо слишком крепким, либо чересчур сладким — вечно что-нибудь было не так. Как бы прилежно девушка ни убирала комнаты госпожи Сатоми, где-нибудь неизменно отыскивалось пятнышко грязи, татами оказывалось не там, где нужно, бумажные фигурки стояли не на тех местах. Обнаружив очередной промах, госпожа едва заметно улыбалась и отвешивала девушке на удивление звонкую пощечину.

Но это, разумеется, никого не заботило. Другие служанки отводили глаза от ее синяков, а стражники вообще на нее не смотрели. Суюки не осмеливалась жаловаться, ведь госпожа Сатоми была не только знаменитой и вли-

ятельной аристократкой, но и любимой наложницей самого императора. Злословить о ней значило оскорблять Тайо но Гэндзиро, великого Сына Неба — а это могло закончиться поркой, публичным унижением или и того хуже.

От полного отчаяния Суюки спасала только мысль о новой встрече с Дайсукэ-самой. Само собой, в его венах течет голубая кровь и он Суюки совершенно не ровня. Беды простолюдинки ему вряд ли интересны. Но ей хватило бы одного взгляда. Она тщетно искала его на верандах и дорожках, когда бегала с поручениями госпожи Сатоми, но красивого аристократа нигде не было видно. До Суюки дошли слухи, будто Тайо Дайсукэ покинул Дворец Солнца вскоре после ее прибытия и отправился в одно из своих загадочных путешествий по стране. Суюки очень надеялась встретиться с ним, когда он вернется. Ей хотелось вновь услышать мелодию отцовской флейты, пойти за ней и столкнуться с Дайсукэ, вновь увидеть его струящиеся белые волосы.

Затрещина, от которой Суюки повалилась на пол, пробудила ее от мечтаний.

— Что ж ты такая *неуклюжая*, дорогуша? — спросила одетая в ослепительно шелковый наряд госпожа Сатоми, глядя на нее сверху вниз. — Вставай, Суюки-тян. Для тебя есть работа.

В руках у госпожи был моток крепкой шелковой веревки кроваво-красного цвета. Как только Суюки поднялась, веревка оказалась у нее в руках.

— Слушай, ты какая-то слабоумная, право слово. Я уже и не надеюсь, что из тебя получится хорошая служанка. Но